

УДК 343.126; 621.3

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(2).220-229

О ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ КОНТРОЛЯ ПРИ ЭКСТРАДИЦИИ ОБВИНЯЕМОГО, ЗАБОЛЕВШЕГО ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНЬЮ

В.Н. Григорьев¹, Л.Б. Ковальчук²

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация

² Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

15 декабря 2017 г.

Дата принятия в печать

6 апреля 2018 г.

Дата онлайн-размещения

27 апреля 2018 г.

Ключевые слова

Преступность в условиях глобализации; система электронного мониторинга подконтрольных лиц; технические средства контроля; экстрадиция обвиняемого; международный розыск; заключение под стражу; препятствующее содержанию под стражей тяжелое заболевание; изменение меры пресечения

Аннотация. Анализируется частная ситуация экстрадиции как важнейшей формы международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью в условиях глобализации. Исходя из приоритета прав и основных свобод человека и гражданина обращается внимание на то, что для обвиняемого, страдающего тяжелым заболеванием, длительное содержание под стражей в период экстрадиции может оказаться критическим, особенно с учетом отсутствия в медицинских учреждениях пенитенциарной системы возможности оказывать специализированную помощь таким лицам. Изменение обвиняемым с тяжелым заболеванием избранной меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую, не связанную с лишением свободы, в стационарных условиях детально регламентировано и раскрыто как в юридической науке, так и с точки зрения технического обеспечения контроля за поведением освобожденного из-под стражи. Ситуация меняется, когда речь идет об обвиняемом, который скрылся от следствия и суда за рубежом, в связи с чем объявлен в международный розыск. В этом случае изменение обвиняемому меры пресечения после задержания на не связанную с лишением свободы возможно лишь в условиях дополнительных гарантий надлежащего поведения экстрадируемого. В качестве таких гарантий выступает система электронного мониторинга подконтрольных лиц. В статье раскрываются виды технических средств контроля за поведением обвиняемого, которому мера пресечения в виде заключения под стражу изменена на более мягкую, не связанную с лишением свободы, и особенности их применения органами юстиции разных государств, участвующих в процедуре экстрадиции, в зависимости от этапа экстрадиции: при объявлении скрывшегося за рубежом обвиняемого в международный розыск, после его задержания в стране пребывания, при передаче российским органам юстиции и по поступлении обвиняемого в российский следственный изолятор. Исходя из обобщенного анализа нормативно-правовой базы и технических средств контроля, имеющихся в Российской Федерации и зарубежных государствах, существующих теоретических взглядов и высказанных авторских замечаний предлагается концептуально новый гуманистический подход к определению возможностей использования технических средств контроля при экстрадиции обвиняемого, заболевшего тяжелой болезнью.

ON TECHNICAL CONTROL DEVICES USED FOR THE EXTRADITION OF AN ACCUSED PERSON WHO IS SERIOUSLY ILL

Victor N. Grigoryev¹, Lyudmila B. Kovalchuk²

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation

² Chita Institute (branch) of Baikal State University, Chita, the Russian Federation

Article info

Received

2017 December 15

Accepted

2018 April 6

Available online

2018 April 27

Abstract. The authors examine a special case of extradition as an important form of international cooperation in counteracting crime in the conditions of globalization. They stress the priority of rights and fundamental freedoms of man and citizen and draw attention to the fact that a long incarceration period during extradition could become critical for the accused with serious illnesses, especially because the penal system's medical facilities do not have the resources to provide special help to such persons. The substitution of the restriction measure of detention by a milder one that is not connected with the deprivation of liberty for

Keywords

Crime in the context of globalization; electronic monitoring of controlled persons; technical devices; extradition of the accused; international search; detention; a serious illness that makes detention impossible; changing the measure of restraint

accused persons with serious illnesses in the stationary conditions is thoroughly regulated and supported by both legal research and technical opportunities for controlling persons released from custody. The situation changes if we discuss an accused person who fled to another country to avoid persecution and for whom an international search warrant was issued. In such conditions the substitution of the restriction measure by the one not connected with incarceration is only possible if there are additional guarantees of the extradited person's proper behavior. The electronic monitoring system acts as such a guarantee. The paper describes the types of technical devices used to control the behavior of the accused person whose restriction measure of detention was substituted by a milder measure that is not connected with incarceration, and the specific characteristics of using such devices by law enforcement agencies of different countries involved in the extradition procedure, depending on the extradition type: when an international search warrant is issued for a person who has fled the country, after they are detained in another country, transferred to Russian law enforcement agencies, and when they enter Russian pre-trial detention facilities. Using the cumulative analysis of the legislative basis and technical control devices available in Russia and in other countries, the existing theoretical views and the authors' own comments, the authors present a conceptually new humanistic approach to determining the possibilities of using technical control devices for the extradition of an accused person with a serious illness.

Экстрадиция — это форма международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью, которая заключается в аресте и передаче одним государством по запросу другому лиц, обвиняемых в совершении преступления (в целях уголовного преследования) либо уже осужденных судом другого государства (для исполнения приговора) [1, с. 100–101].

Несмотря на зарождающиеся в странах Западной Европы тенденции к «транснационализации населения заключенных» [2, р. 79–80], вопросы экстрадиции по-прежнему актуальны. В специальной литературе детально рассматриваются различные аспекты выдачи [3], высказываются критические, теоретические и практические оценки, предлагаются альтернативные варианты, особое внимание ориентировано на права лиц, уравнивание интересов государства и сохранение законности [4, р. 2–1000]. Важнейшей целью экстрадиции, наряду с обеспечением неотвратимости наказания для лиц, совершивших преступление, является также право каждого индивида подлежать юрисдикции государства, гражданином которого он является [5, с. 9–10].

Экстрадиция приобретает особенности, если у лица, подлежащего выдаче, обнаружено тяжелое заболевание, которое препятствует его содержанию под стражей. Обвиняемый с таким заболеванием, оставленный на весь период экстрадиции без специализированной медицинской помощи, может оказаться в критической ситуации с большой вероятностью летального

исхода. Одним из решений указанной проблемы является изменение такому обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую, не связанную с лишением свободы, с предоставлением возможности получать специализированную медицинскую помощь по месту жительства или временного пребывания.

Однако ситуация осложняется тем, что это лицо однажды уже скрылось от правосудия, выехав из запрашивающего государства. С одной стороны, это обуславливает необходимость дополнительных гарантий того, что такое лицо не скроется еще раз, от органов юстиции запрашиваемого государства. С другой стороны, указанная ситуация диктует необходимость дополнительных организационно-правовых и технических мер, исключающих возможность повторно скрыться от правосудия. В качестве таких мер предлагается рассматривать, в частности, комплекс технических средств контроля, который может использоваться для контроля за местом нахождения обвиняемого и за тем, соблюдает ли он наложенные судом запреты и ограничения. Этот комплекс технических средств контроля фигурирует в специальной литературе под названием «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц», или сокращенно СЭМПЛ [6, с. 7].

Система электронного мониторинга подконтрольных лиц может применяться для контроля: осужденных, содержащихся в колониях-поселениях; осужденных, которым разрешено покидать место лишения свободы без сопрово-

ждения конвоя; лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы; лиц, освобожденных условно-досрочно; подследственных, подозреваемых и обвиняемых лиц, ограниченных домашним арестом или имеющих обязанность ограничения перемещения [7].

Виды, характер и порядок применения этих технических средств контроля к обвиняемому с тяжелым заболеванием, скрывшемуся от следствия за рубежом, определяются конкретной ситуацией (этапом) его розыска и экстрадиции (выдачи): при объявлении обвиняемого в международный розыск, после его задержания в стране пребывания, при передаче российским органам юстиции и по поступлении экстрадированного в российский следственный изолятор.

СЭМПЛ при объявлении обвиняемого в розыск. В соответствии со ст. 210 УПК РФ следователь в случае неизвестности места нахождения обвиняемого поручает его розыск органам дознания. В отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения (ст. 97 УПК РФ), а при объявлении его в международный розыск в качестве меры пресечения в соответствии с ч. 5 ст. 108 УПК РФ избирается заключение под стражу.

Решение об объявлении лица в международный розыск оформляется постановлением, один экземпляр которого вручается следователю для обращения в суд в порядке ч. 5 ст. 108 УПК РФ с целью избрания меры пресечения в отсутствие обвиняемого. В соответствии с п. 123 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 октября 2006 г.¹, если судья откажет в удовлетворении ходатайства об избрании обвиняемому, в отношении которого вынесено постановление об объявлении в международный розыск, меры пресечения в виде заключения под стражу, указанное постановление аннулируется.

Следовательно, на данном этапе предусмотрена возможность избрания обвиняемому, объявленному в международный розыск, толь-

ко одного вида меры пресечения — заключения под стражу. Ее изменение на более мягкую, в том числе и по основаниям выявления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, действующим порядком не предусмотрено, а в реальных ситуациях — фактически не актуально.

Исходя из этого на данном этапе экстрадиции вопрос о технических средствах контроля за местом нахождения обвиняемого и за соблюдением им запретов и ограничений с учетом состояния технического обеспечения отечественной и зарубежной системы борьбы с преступностью является беспредметным.

СЭМПЛ после задержания обвиняемого в стране пребывания. После задержания разыскиваемого в стране пребывания местная полиция возбуждает перед ближайшим судом вопрос о его аресте для последующей выдачи. Основанием для взятия иностранца под стражу служит факт совершения им преступления в другой стране (в данном контексте — в Российской Федерации), о котором сообщается в постановлении о взятии под стражу, вынесенном в стране, инициировавшей розыск. Это постановление (его заверенная копия) прилагается к запросу о выдаче лица для уголовного преследования (ч. 5 ст. 460 УПК РФ).

Непосредственно выдаче обвиняемого российским органам юстиции предшествует период принятия уполномоченными зарубежными органами юстиции решения об этом. Общий срок рассмотрения вопроса о выдаче может быть весьма значительным. Так, в соответствии со ст. 71 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в Кишиневе 7 октября 2002 г.² (далее — Конвенция СНГ 2002 г.), запрос о выдаче подлежит рассмотрению в течение 30 дней; если в запросе нет всех необходимых данных, то зарубежное учреждение юстиции может попросить дополнительные сведения с установлением срока до 30 дней, который по ходатайству российской стороны может быть продлен еще до 30 дней. В соответствии со ст. 16 Европейской конвенции о выдаче, заключенной в Париже 13 декабря 1957 г.³

¹ Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : утв. приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 окт. 2006 г. : (ред. от 22 сент. 2009 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47.

² Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2003. № 2 (41). С. 82–130.

³ Собрание законодательства РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

(далее — Европейская конвенция 1957 г.), этот срок не может превышать 40 дней.

Указанные сроки являются критическими с точки зрения плана лечебных процедур у страдающего тяжелым заболеванием: например, при хронической почечной недостаточности [8, с. 548; 9] требуется проведение регулярной экстракорпоральной детоксикации, один из методов которой — систематически (три раза в неделю) проводимый гемодиализ [10, с. 87–88; 11].

В этой ситуации выявление у обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, может быть учтено зарубежными органами юстиции, и на данном основании его освободят с заменой заключения под стражу на более мягкую меру пресечения, не связанную с лишением свободы [12]. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 16 Европейской конвенции 1957 г. возможность временного освобождения не исключается в любое время, однако запрашиваемая сторона может принимать необходимые меры для предотвращения побега лица, объявленного в международный розыск.

Например, решением Верховного земельного суда в Мюнхене по делу № 1AR 143/16 об экстрадиции из Федеративной Республики Германия в Российскую Федерацию для целей уголовного преследования гражданина Х. действие ордера на арест для целей экстрадиции было приостановлено при условии соблюдения содержащихся в решении требований (залог, еженедельная явка в полицию)⁴.

В такой ситуации возникает вопрос о применении к освобожденному из-под стражи лицу технических средств контроля. Это входит в компетенцию соответствующих зарубежных органов юстиции.

С тех пор как электронный контроль был введен в зарубежных государствах, он использовался для постоянно расширяющегося круга целей, включая досудебное заключение, условно-досрочное освобождение и условное освобождение, или просто как наказание само по себе [13; 14]. Иностранные государства (США, Швеция, Германия, Австрия, Великобритания, Бразилия и др.) давно и достаточно успешно используют электронные средства контроля за лицами, к которым применен домашний арест [15].

⁴ Fall № 1AR 143/16 über die Auslieferung aus der Bundesrepublik Deutschland in die Russische Föderation zur Strafverfolgung H., im Jahr 2016 in der Staatsanwaltschaft München. In 2 Teilenauf 351 Blatt (Fotokopie).

С начала 1980-х гг. использование электронного мониторинга для контроля преступников распространилось в пенитенциарных системах по всему миру. К 2010 г. в Соединенных Штатах и Европе под электронным контролем было более 500 тыс. чел., а также около 200 тыс. контролируемых устройств используется в Соединенных Штатах каждый год. По мере роста населения в тюрьмах электронный мониторинг был введен во многих западных странах в качестве замены тюремного заключения или в рамках программы досрочного освобождения в целях сокращения расходов в пенитенциарной системе. Электронный мониторинг был реализован во многих различных правовых системах в течение последних трех десятилетий [16, р. 158].

Система электронного мониторинга состоит из радиопередатчика и наружного контролирующего устройства, а также базового компьютера и представляет собой программируемое оборудование для диспетчерских рабочих мест системы мониторинга, которое собирает данные, передаваемые в систему от устройств в полевых условиях, реализует логику их оценки и поддерживает обработку состояний, которые возникают⁵ [17].

Зарубежные исправительные органы используют браслеты на лодыжки и другие устройства электронного слежения для повышения степени контроля за соблюдением условий предварительного освобождения. На практике доминирует две формы устройств слежения, использующие GPS- и RF-технологии. Системы GPS могут непрерывно отслеживать нарушителя в режиме реального времени, определяя его движение и местонахождение путем передачи информации о его местоположении в центры мониторинга и триангуляции сигналов от спутников и сотовых вышек. Радиочастотные устройства (RF) контролируют присутствие или отсутствие правонарушителя в фиксированном месте. Они наиболее часто используются для контроля тех, кто находится под домашним арестом или выполняет предписание о соблюдении комендантского часа, с целью контроля присутствия правонарушителя непрерывно либо в определенное время. Радиочастотные системы состоят из передатчиков с питанием от батарей, которые, как правило, носятся на лодыжке или

⁵ The electronic monitoring of accused and sentenced persons // ICZ. URL: <https://www.iczgroup.com/en/reference/electronic-monitoring-accused-sentenced-persons>.

запастье, и домашних приемников, которые могут проверить, находятся ли подконтрольные в пределах определенного расстояния, и в случае их отсутствия на месте предупредить центры мониторинга нарушений, позволяя исполнительной власти принять меры [18, р. 2].

Подобные программы уже несколько лет успешно применяются в Европе. К изучению мирового опыта использования электронного наблюдения за подконтрольными лицами в системе ФСИН России обратились еще в 2001 г. Тогда за основу брали опыт США (с 1983 г.), Великобритании (с 1989 г.) и стран Евросоюза. Первой из европейских стран, начавшей использовать электронные браслеты, стала Великобритания. Затем эту практику распространили в Швеции (с 1994 г.), Нидерландах (с 1995 г.), Франции (с 1997 г.), Бельгии (с 1998 г.) и других государствах. Последние десять лет более чем в 60 странах мира активно применяются электронные браслеты в качестве меры, альтернативной содержанию под стражей. По оценочным данным, более 200 тыс. нарушителей закона в мире носят такие браслеты [19, с. 88–89]. При этом одни авторы обоснованно говорят о положительном эффекте от их внедрения [20; 21, р. 273–274], другие указывают, что имеющиеся данные позволяют сделать вывод о проблемности такого эффекта [22, р. 215–216]. В литературе, например, приводятся утверждения о том, что политика повседневности в Иерусалиме подвергает палестинцев технологическому наблюдению и пространственному контролю, раскрывая «обобщенный» характер новых информационных технологий и Интернета [23].

СЭМПЛ в период процедуры выдачи обвиняемого, находящегося в розыске. На этом этапе российскими органами юстиции средства контроля обычно прекращают применяться, что диктуется промежуточным, переходным характером ситуации. Когда запрашиваемая сторона удовлетворяет запрос о выдаче, она уведомляет российские органы юстиции о времени и месте передачи экстрадируемого и доставляет его в это место. В данной ситуации лицо вновь находится под стражей. Электронный контроль за поведением обвиняемого со стороны запрашиваемого государства отменяется, а в запрашивающей стороне в отношении него продолжает действовать решение о заключении под стражу.

Однако сама процедура передачи при этом и, соответственно, сроки содержания под стражей в период передачи в силу различных

обстоятельств также могут оказаться весьма существенными для обвиняемого с тяжелым заболеванием. Так, в соответствии со ст. 82 Конвенции СНГ 2002 г., если запрашивающая (российская) сторона не примет выдаваемое лицо в течение 15 дней после согласованной даты, такое лицо должно быть освобождено. Установленный срок передачи выдаваемого лица может быть продлен по ходатайству запрашивающей стороны до 15 дней, т.е. всего до 30 дней. Аналогичные по продолжительности сроки фигурируют и в ст. 18 Европейской конвенции 1957 г. В Великобритании экстрадиция запрашиваемого лица должна быть осуществлена в течение 28 дней со дня решения МВД Великобритании, если право апелляции не было осуществлено, или в течение 28 дней со дня принятия решения судьей [24].

В подобной ситуации также возникает вопрос о возможности освобождения обвиняемого из-под стражи по причине состояния здоровья с применением другой меры пресечения, не предусматривающей лишения свободы. Решение этого вопроса находится в компетенции зарубежных органов юстиции, которые в установленном порядке могут заменить заключение под стражу на более мягкую меру, не предусматривающую лишения свободы [25]. Тогда к обвиняемому вновь могут быть применены технические средства для контроля за его местонахождением и соблюдением им запретов и ограничений (либо продлено их использование). То есть меры СЭМПЛ применяются как в предыдущей ситуации.

СЭМПЛ после передачи экстрадируемого обвиняемого с тяжелым заболеванием российским органам юстиции. После передачи обвиняемого в результате процедуры экстрадиции российским органам юстиции он помещается в следственный изолятор, и учреждения ФСИН России начинают исполнять избранную при объявлении его в международный розыск меру пресечения — содержание под стражей. В случае выявления у арестованного тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, вновь возникают основания для изменения этой меры пресечения на более мягкую, не предусматривающую лишения свободы.

Для таких случаев установлен особый порядок, введенный Федеральным законом «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 29 декабря 2010 г.

№ 434-ФЗ: содержание под стражей при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования, заменяется более мягкой мерой пресечения, не предусматривающей лишения свободы (ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ)⁶. Перечень тяжелых заболеваний, порядок медицинского освидетельствования подозреваемых и обвиняемых и форма медицинского заключения установлены Правительством Российской Федерации⁷.

Согласно утвержденным этим постановлением Правилам медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, лицо в установленном порядке направляется на медицинское освидетельствование, по результатам которого врачебной комиссией выносится медицинское заключение на предмет наличия у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в перечень. Руководитель медицинской организации направляет оформленное в установленном порядке медицинское заключение начальнику места содержания под стражей. Последний направляет либо вручает под роспись копию указанного медицинского заключения следователю, обвиняемому и его защитнику. Получив указанное медицинское заключение, следователь с согласия руководителя следственного органа отменяет или изменяет меру пресечения. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 1 июля 2017 г. № 137-ФЗ⁸ дополнил ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ нормой о том, что дознаватель, следователь или суд, в производстве которых находится уголовное дело, принимают соответствующее решение не позднее трех суток со дня получения копии медицинского заключения.

Анализ установленной нормативной процедуры международного розыска и экстрадиции обвиняемого в совершении преступления показывает, что изменение ему меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую в этот период российскими органами юстиции (в частности, следователем, в производстве ко-

торого находится уголовное дело, либо руководителем соответствующего следственного органа) на предыдущих этапах не вписывается в эту процедуру. Сама по себе постановка такого вопроса противоречит логике развития событий, в основе которых — факт того, что обвиняемый скрылся за границей и уклоняется от российского правосудия.

Стало быть, освобождение обвиняемого из-под стражи на основании выявления у него тяжелого заболевания возможно только после поступления экстрадированного в российский следственный изолятор. Однако следователю для изменения меры пресечения в соответствии с ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ необходимо наличие медицинского заключения, вынесенного в установленном порядке. Между тем по этому порядку нормативно определенный срок от момента представления следователю ходатайства о направлении на медицинское освидетельствование экстрадированного лица до возможного принятия решения об изменении меры пресечения, не считая сроков возможного продления и обжалования, может составить с учетом выходных до 19 дней.

Медицинские учреждения пенитенциарной системы не располагают возможностями для поддержания жизнедеятельности содержащегося под стражей, страдающего тяжелым заболеванием, включенным в перечень препятствующих содержанию под стражей. Так, в письме начальника Федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть № 77 Федеральной службы исполнения наказаний» от 29 апреля 2016 г. № 50/ТО/2/12-541 по запросу прокуратуры Москвы на тему «О представлении информации» прямо сказано: «...в условиях ФКУЗ МСЧ-77 ФСИН России гемодиализ не проводится»⁹. В результате экстрадированному обвиняемому с тяжелым заболеванием грозит перспектива пропустить при необходимом систематическом (три раза в неделю) проведении гемодиализа порядка десяти процедур подряд, что, как показывает практика, неизбежно ведет к летальному исходу.

Подобная перспектива побуждает зарубежные органы юстиции требовать при решении вопроса о выдаче гражданина в Российскую Федерацию для целей уголовного преследования

⁶ Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 46.

⁷ О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: постановление Правительства РФ от 14 янв. 2011 г. № 3: (ред. от 4 сент. 2012 г.) // Там же. № 4. Ст. 608.

⁸ Собрание законодательства РФ. 2017. № 27. Ст. 3934.

⁹ Fall № 1 AR 143/16 über die Auslieferung aus der Bundesrepublik Deutschland in die Russische Föderation zur Strafverfolgung H., im Jahr 2016 in der Staatsanwaltschaft München. In 2 Teilen auf 351 Blatt (Fotokopie).

дополнительных гарантий, в частности, того, что в случае передачи обвиняемого в период перепроверки медицинских диагнозов он не будет заключен под стражу [26]. Однако российские правоохранительные органы по закону объективно лишены возможности выполнить эти требования.

Выход видится в нормативном дополнении оснований для изменения меры пресечения, что создало бы правовой механизм разрешения этой ситуации, допустив возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу по состоянию здоровья на более мягкую еще в период экстрадиции, на этапе принятия уполномоченными зарубежными органами юстиции решения о выдаче либо в период самой выдачи обвиняемого.

В современных российских условиях последнее исключение для такого обвиняемого возможности вновь скрыться — в значительной мере вопрос своевременного и профессионального применения технических средств контроля.

В частности, в случае избрания в качестве меры пресечения домашнего ареста возможно применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля за местонахождением обвиняемого и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений [6]. Правительство Российской Федерации 18 февраля 2013 г. утвердило Правила применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений¹⁰. Совместным приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или)

¹⁰ О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений : постановление Правительства РФ от 18 февр. 2013 г. № 134 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 838.

ограничений¹¹ установлен порядок осуществления электронного контроля, детально регламентированы правила применения уголовно-исполнительной инспекцией аудиовизуальных, электронных и иных технических средств с этой целью, предусмотрено, что для осуществления контроля по сигналам глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС/GPS уголовно-исполнительной инспекцией могут применяться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства, к которым относится, например, электронный браслет.

В печати приводятся данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в соответствии с которыми в 2004 г. судом было удовлетворено 838 ходатайств об избрании домашнего ареста на территории России, в 2005 г. — 518, в 2006 г. — 829, в 2007 г. — 205, в 2008 г. — 88, в 2009 г. — 146, в 2010 г. — 668, в 2011 г. — 1 346, в 2012 г. — 2 714, в 2013 г. — 3 086, в 2014 г. — 3 333, в 2015 г. — 4 676. В этой связи представляется обоснованным утверждение, что принятый межведомственный нормативный акт необходимо расценивать исключительно как положительный шаг в организаторской деятельности органов предварительного расследования и уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России в части процедуры осуществления контроля по исполнению домашнего ареста [27, с. 25–26].

Внедрение системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в деятельность уголовно-исполнительных инспекций, как показывают проведенные исследования, сопровождается рядом существенных проблем, в числе которых несвоевременное снятие сотрудниками инспекций тревожных сообщений; наличие значительного количества оборудования с устаревшими версиями программного обеспечения; отсутствие четко определенных охранных зон; значительное количество стационарных контрольных устройств, не передающих на протяжении длительного времени сведения на сервер; несвоевременная корректировка количества осужденных в программе СЭМПЛ-мониторинг; необоснованное и формальное снятие сообщений СЭМПЛ; снижение эффективности применения стационарных контрольных устройств без ретрансляторов в жилых помещениях свыше 50 м; значительное количество неподтверждаемых тревожных сообщений

¹¹ URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

[28, с. 5]. Вместе с тем в литературе приводятся сведения о совершенствовании методики определения мест для размещения элементов системы электронного мониторинга подконтрольных лиц на базе радиосети передачи данных с применением геоинформационных технологий [29]. Исследователи единодушно отмечают эффективность применения в российской пенитенциарной практике системы электронного мониторинга подконтрольных лиц [30].

Исходя из обобщенного анализа нормативно-правовой базы и технических средств контроля, имеющихся в Российской Федерации и зарубежных государствах, существующих тео-

ретических взглядов и высказанных авторских замечаний предлагается концептуально новый гуманистический подход к определению возможностей использования технических средств контроля при экстрадиции обвиняемого, заболевшего тяжелой болезнью. Система электронного мониторинга подконтрольных лиц вполне может вписаться в практику осуществления контроля за поведением обвиняемого, заболевшего тяжелым заболеванием, в случае изменения ему в период экстрадиции либо непосредственно после нее заключения под стражу на более мягкую меру пресечения, не связанную с лишением свободы, на весь этот период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решняк М.Г. Действие уголовного закона во времени и в пространстве: проблемы теории и практики / М.Г. Решняк. — М. : Междунар. юрид. ин-т, 2013. — 184 с.
2. Pakes F. The Transnational Prisoner: Exploring Themes and Trends Involving a Prison Deal with the Netherlands and Norway / F. Pakes, K. Holt // *British Journal of Criminology*. — 2017. — Vol. 57, iss. 1. — P. 79–93.
3. Hingoraney R. International Extradition of Mexican Narcotics Traffickers: Prospects and Pitfalls for the New Millennium / R. Hingoraney // *Georgia Journal of International and Comparative Law*. — 2002. — Vol. 30, № 2. — P. 331–363.
4. Bassiouni M.C. International Extradition: United States Law and Practice / M.C. Bassiouni. — 6th ed. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. — 1296 p.
5. Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Вениаминов. — М., 2010. — 233 с.
6. Зараменских Е.П. Принципы построения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в России / Е.П. Зараменских, Д.В. Смирнов, И.Е. Артемьев. — Новосибирск : СИБ-ПРИНТ, 2011. — 74 с.
7. Спасенников Б.А. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-исполнительного законодательства / Б.А. Спасенников, П.В. Голодов // *Актуальные вопросы образования и науки*. — 2015. — № 1–2 (47–48). — С. 56–62.
8. Маколкин В.И. Внутренние болезни : учебник / В.И. Маколкин, С.И. Овчаренко, В.А. Сулимов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. — 768 с.
9. Jha V. Chronic kidney diseases — Recent advances in clinical and basic research / V. Jha // *The Indian Journal of Medical Research*. — 2017. — № 145 (4). — P. 577–579. — DOI: 10.4103/0971-5916.213766.
10. Стецюк Е.А. Основы гемодиализа / Е.А. Стецюк ; под ред. Е.Б. Мазо. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2001. — 393 с.
11. Anjankar A.P. Study of Comparative Effect of Hemodialysis and Peritoneal Dialysis on Lipid Profile of Patients of Chronic Kidney Disease / A.P. Anjankar, P.V. Dharme, V.P. Anjankar // *Asian Journal of Biomedical and Pharmaceutical Sciences*. — 2014. — № 4 (36). — P. 30–34.
12. Спасенников Б.А. Условия содержания лиц, лишенных свободы / Б.А. Спасенников, Л.Ф. Пертли // *На пути к гражданскому обществу*. — 2015. — № 3 (19). — С. 63–69.
13. Di Tella R. Criminal Recidivism after Prison and Electronic Monitoring / R. Di Tella, E. Schargrotsky // *Journal of Political Economy*. — 2013. — Vol. 121, № 1. — P. 28–73.
14. Schenwar M. The Quiet Horrors of House Arrest, Electronic Monitoring, and Other Alternative Forms of Incarceration. How imprisonment extends beyond the jailhouse into every arena of American life [Electronic resource] / M. Schenwar // *Mother Jones*. — 2015. — 22 Jan. — Mode of access: <https://www.motherjones.com/politics/2015/01/house-arrest-surveillance-state-prisons>.
15. Овчинников Ю.Г. Использование электронных технических средств как метод надзора при применении домашнего ареста и ограничения свободы / Ю.Г. Овчинников // *Российский следователь*. — 2010. — № 8. — С. 30–32.
16. Larsen B.Ø. Educational Outcomes after Serving with Electronic Monitoring: Results from a Natural Experiment / B.Ø. Larsen // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2017. — Vol. 33, iss. 1. — P. 157–178.
17. Weiss L.A. New Technology Offers Pretrial Release for Indigent Accused [Electronic resource] / L.A. Weiss // *JURIST*. — 2017. — № 10. — Mode of access: <http://jurist.org/student/2017/10/leigha-weiss-technology-for-pretrial-release.php>.
18. Use of Electronic Offender-Tracking Devices Expands Sharply / S. Fahy [et al.] // *The Pew Charitable Trusts*. — 2016. — 7 Sept.
19. Тимофеева Е.А. К вопросу о зарубежной практике применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц / Е.А. Тимофеева, О.А. Мотин // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. — 2014. — № 4 (28). — С. 88–94.
20. Gable R.K. Electronic Monitoring: Positive Intervention Strategies / R.K. Gable, R.S. Gable // *Federal Probation*. — 2005. — Vol. 69, № 1. — P. 21–25.
21. Vanhaelemeesch D. Punishment at home: Offenders' experiences with electronic monitoring / D. Vanhaelemeesch, T. Beken, S. Vandeveldel // *European Journal of Criminology*. — 2014. — Vol. 11, iss. 3. — P. 273–287.

22. Renzema M. Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-risk Offenders? / M. Renzema, E. Mayo-Wilson // *Journal of Experimental Criminology*. — 2005. — Vol. 1, iss. 2. — P. 215–237.
23. Shalhoub-Kevorkian N. E-Resistance and Technological In/Security in Everyday Life: The Palestinian Case / N. Shalhoub-Kevorkian // *British Journal of Criminology*. — 2012. — Vol. 52, iss. 1. — P. 55–72.
24. Бакеева О. Что такое экстрадиция и как это работает? [Электронный ресурс] / О. Бакеева // Англия. — 2016. — Режим доступа: <https://angliya.com/2016/11/23/chto-takoe-ekstradiciya-i-kak-eto-rabotaet>.
25. Сааведра Х. Задержание и мера пресечения в процессе экстрадиции из Испании [Электронный ресурс] / Х. Сааведра. — Режим доступа: <http://stopextradition.com/zaderzhanie-i-mera-presechenia>.
26. Спасенников Б.А. Актуальные проблемы уголовно-исполнительного законодательства / Б.А. Спасенников, П.В. Голодов // *Вестник Пермского института ФСИН России*. — 2015. — № 1 (16). — С. 35–39.
27. Овчинников Ю.Г. Порядок осуществления контроля над исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста / Ю.Г. Овчинников // *Научный вестник Омской академии МВД России*. — 2017. — № 1 (64). — С. 22–26.
28. Воробьев М.В. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде ограничения свободы с использованием средств электронного мониторинга : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / М.В. Воробьев. — М., 2015. — 204 с.
29. Демиденко А.Г. Методика выбора рационального варианта размещения элементов системы электронного мониторинга подконтрольных лиц с применением геоинформационных технологий / А.Г. Демиденко, Е.П. Зараменских, Д.В. Смирнов // *Известия института инженерной физики*. — 2013. — № 4 (30). — С. 58–63.
30. Романова С.В. Практика применения электронных браслетов: история и современность / С.В. Романова // *Концепт*. — 2015. — № 2. — С. 106–110.

REFERENCES

1. Reshnyak M.G. *Deistvie ugovornogo zakona vo vremeni i v prostranstve: problemy teorii i praktiki* [The Action of Criminal Law in Time and Space: Problems of Theory and Practice]. Moscow, International Law Institute Publ., 2013. 184 p.
2. Pakes F., Holt K. The Transnational Prisoner: Exploring Themes and Trends Involving a Prison Deal with the Netherlands and Norway. *British Journal of Criminology*, 2017, vol. 57, iss. 1, pp. 79–93.
3. Hingoraney R. International Extradition of Mexican Narcotics Traffickers: Prospects and Pitfalls for the New Millennium. *Georgia Journal of International and Comparative Law*, 2002, vol. 30, no. 2, pp. 331–363.
4. Bassiouni M.C. *International Extradition: United States Law and Practice*. 6th ed. Oxford, Oxford University Press, 2014. 1296 p.
5. Veniaminov A.G. *Institut ekstraditsii kak forma mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii v sfere ugovornogo sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [The institute of extradition as a form of international legal cooperation of the Russian Federation in the sphere of criminal court procedures. Doct. Diss.]. Moscow, 2010. 233 p.
6. Zaramenskikh E.P., Smirnov D.V., Artem'ev I.E. *Pprintsipy postroeniya sistemy elektronnoy monitoringa podkontrol'nykh lits v Rossii* [The principles of creating the electronic tagging system in Russia]. Novosibirsk, SIB-PRINT Publ., 2011. 74 p.
7. Spasennikov B.A., Golodov P.V. Topical issues of improving penal legislation. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Science*, 2015, no. 1–2 (47–48), pp. 56–62. (In Russian).
8. Makolkina V.I., Ovcharenko S.I., Sulimov V.A. *Vnutrennie bolezni* [Internal Diseases]. 6th ed. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2012. 768 p.
9. Jha V. Chronic kidney diseases — Recent advances in clinical and basic research. *The Indian Journal of Medical Research*, 2017, no. 145 (4), pp. 577–579. DOI: 10.4103/0971-5916.213766.
10. Stetsyuk E.A.; Mazo E.B. (ed.). *Osnovy gemodializa* [Basics of Hemodialysis]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2001. 393 p.
11. Anjankar A.P., Dharme P.V., Anjankar V.P. Study of Comparative Effect of Hemodialysis and Peritoneal Dialysis on Lipid Profile of Patients of Chronic Kidney Disease. *Asian Journal of Biomedical and Pharmaceutical Sciences*, 2014, no. 4 (36), pp. 30–34.
12. Spasennikov B.A., Pertli L.F. The custody conditions for incarcerated persons. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu = On the Way to Civil Society*, 2015, no. 3 (19), pp. 63–69. (In Russian).
13. Di Tella R., Scharogradsky E. Criminal Recidivism after Prison and Electronic Monitoring. *Journal of Political Economy*, 2013, vol. 121, no. 1, pp. 28–73.
14. Schenwar M. The Quiet Horrors of House Arrest, Electronic Monitoring, and Other Alternative Forms of Incarceration. How imprisonment extends beyond the jailhouse into every arena of American life. *Mother Jones*, 2015, January, 22. Available at: <https://www.motherjones.com/politics/2015/01/house-arrest-surveillance-state-prisons>.
15. Ovchinnikov Yu.G. The use of electronic devices as a surveillance method during the house arrest and the limitation of freedom. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2010, no. 8, pp. 30–32. (In Russian).
16. Larsen B.Ø. Educational Outcomes after Serving with Electronic Monitoring: Results from a Natural Experiment. *Journal of Quantitative Criminology*, 2017, vol. 33, iss. 1, pp. 157–178.
17. Weiss L.A. New Technology Offers Pretrial Release for Indigent Accused. *JURIST*, 2017, no. 10. Available at: <http://jurist.org/student/2017/10/leigha-weiss-technology-for-pretrial-release.php>.
18. Fahy S., Gelb A., Gramlich J., Stevenson P. Use of Electronic Offender-Tracking Devices Expands Sharply. *The Pew Charitable Trusts*, 2016, September 7.
19. Timofeeva E.A., Motin O.A. The foreign experience of using the system of electronic monitoring of controlled persons. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2014, no. 4 (28), pp. 88–94. (In Russian).
20. Gable R.K., Gable R.S. Electronic Monitoring: Positive Intervention Strategies. *Federal Probation*, 2005, vol. 69, no. 1, pp. 21–25.

21. Vanhaelemeesch D., Beken T., Vandeveldel S. Punishment at home: Offenders' experiences with electronic monitoring. *European Journal of Criminology*, 2014, vol. 11, iss. 3, pp. 273–287.
22. Renzema M., Mayo-Wilson E. Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-risk Offenders? *Journal of Experimental Criminology*, 2005, vol. 1, iss. 2, pp. 215–237.
23. Shalhoub-Kevorkian N. E-Resistance and Technological In/Security in Everyday Life: The Palestinian Case. *British Journal of Criminology*, 2012, vol. 52, iss. 1, pp. 55–72.
24. Bakeeva O. What is extradition and how does it work? *Angliya = England*, 2016. Available at: <https://angliya.com/2016/11/23/chto-takoe-ekstraditsiya-i-kak-eto-rabotaet>. (In Russian).
25. Saavedra Kh. *Zaderzhanie i mera presecheniya v protsesse ekstraditsii iz Ispanii* [The detention and the measure of restriction in the process of extradition from Spain]. Available at: <http://stopextradition.com/zaderzhanie-i-mera-presechenia>. (In Russian).
26. Spasennikov B.A., Golodov P.V. Actual problems of penal legislation. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service*, 2015, no. 1 (16), pp. 35–39. (In Russian).
27. Ovchinnikov Yu.G. The procedure of controlling the execution of the house arrest measure of restriction. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2017, no. 1 (64), pp. 22–26. (In Russian).
28. Vorobev M.V. *Organizatsiya i pravovye osnovy deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'nykh inspeksii po ispolneniyu nakazaniya v vide ogranicheniya svobody s ispol'zovaniem sredstv elektronnoho monitoringa. Kand. Diss.* [The organization and legal basis of the work of penal inspections executing the punishment of the limitation of freedom with the use of electronic monitoring devices. Cand. Diss.]. Moscow, 2015. 204 p.
29. Demidenko A.G., Zaramenskikh E.P., Smirnov D.V. The methodology of choosing the optimal location for the system of electronic monitoring of controlled persons with the use of geo-information technologies. *Izvestiya instituta inzhenernoi fiziki = Bulletin of the Engineering Physics Institute*, 2013, no. 4 (30), pp. 58–63. (In Russian).
30. Romanova S.V. The practice of using electronic monitoring bracelets: history and today. *Kontsept = Concept*, 2015, no. 2, pp. 106–110. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьев Виктор Николаевич — ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: grigorev.viktor@gmail.com.

Ковальчук Людмила Борисовна — заместитель директора по научной и воспитательной работе Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: kovalchuklb@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Григорьев В.Н. О технических средствах контроля при экстрадиции обвиняемого, заболевшего тяжелой болезнью / В.Н. Григорьев, Л.Б. Ковальчук // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 220–229. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).220-229.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoryev, Victor N. — Leading Researcher, Research and Teaching Staff Training Group of the Academic Secretary, Postgraduate and Postdoctoral Studies Division, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: grigorev.viktor@gmail.com.

Kovalchuk, Lyudmila B. — Deputy Head for Research and Educational Work, Chita Institute (branch) of Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Chita, the Russian Federation; e-mail: kovalchuklb@mail.ru.

FOR CITATION

Grigoryev V.N., Kovalchuk L.B. On technical control devices used for the extradition of an accused person who is seriously ill. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 220–229. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).220-229. (In Russian).